

На моем рабочем столе стоит черно-белая фотография седого, много пережившего поэта Александра Дракохруста. Он, как «неразлучный человек добра», словно бы говорит мне в трудные минуты, что «все дается по силам...».

В 2008 году, через неделю после дня его рождения, не стало этого человека, навсегда преданного Дальнему Востоку, поэта-фронтовика. Остались книги и письма, в которых нашла свое прибежище его прекрасная душа...

Александр Дракохруст остался в нашей памяти совестливым, сильным, ранимым, искренним, верным в дружбе, настоящим Поэтом...

Родился Александр Абрамович Дракохруст в Москве в 1923 году в семье военного комиссара. До 1937 года семья проживала в Борисове, где Александр окончил шесть классов. В книге «Что было, то — было», вышедшей в 2006 году в Минске, он вспоминал: «Военными ночами я не раз вспоминал мирный июньский день 1937 года, когда через неделю после судилища над Тухачевским и другими крупнейшими и прославленными военачальниками к нам в Борисов приехали «забирать» моего отца, начальника политотдела 5-й мехбригады, знакомые минские энкавэдэшники, которые прежде не раз бывали в нашем доме. Обыск продолжался несколько часов...» Арестована была и мать, которая «совсем юной ушла... в революцию, одержимая страстной верой в торжество справедливости», но, как и ее муж, стала жертвой сталинского террора... «Еще на лагерных нарах, — вспоминал А. Дракохруст в книге «Моя планида», — к ней пришло мучи-

тельное прозрение, которое не покидало ее до последнего вдоха».

После семейной трагедии Александр покинул Борисов. Среднюю школу Александр Дракохруст окончил в 1941 году и сразу же был призван в ряды Красной армии. По страшной статистике, их, фронтовиков 1922–1923 годов рождения, в живых осталось только трое из ста.

А. Дракохруст воевал в инженерном батальоне, был командиром взвода, комсоргом участвовал в боях на Юго-Западном, Южном, Втором Украинском и Первом Белорусском фронтах, штурмовал Берлин и был награжден тремя орденами и восемью медалями.

Первые публикации стихов Александра Дракохруста появились еще до войны, в 1938–1939 годах в одесских газетах. Он писал и на фронте, между боями. В фондах Гродековского музея хранятся рукописи военных стихов поэта, написанные им на обороте немецкой карты и типографского бланка на румынском языке. Бумаги на фронте не хватало — об этом писал с фронта и поэт-дальневосточник, «не переживший подвиг свой военный», Вячеслав Афанасьев: «Ни бумаги, ни карандашей... Терзаюсь стихами — слагаю в уме десятки четверостиший, но некуда их записать...»

После войны А. Дракохруст окончил Московское военно-инженерное училище и приехал в Хабаровск. Здесь он окончил педагогический институт и с 1947 года почти двадцать лет был военным корреспондентом газеты Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». По словам товарищей, был «опытным, инициативным журналистом, неутомимым литсекретарем,

мастером макетов, отзывчивым товарищем, талантливым поэтом».

В 1963 году по случаю юбилея Александра Дракохруста его сослуживцы написали ему свои пожелания. В. Рябинин обратился к юбиляру с такими словами: «...И в сорок лет, Саша, наш старейший «суворовец», полон творческой энергии. Рука у тебя, друг, верная. Круши «железобетон», выжимай воду, шапки на полосы давай такие, чтобы небу стало жарко. Дерзай в полюбившейся тебе поэзии...» Михаил Ханух точно выразил творческую суть собрата по перу, к которому относился с глубочайшим уважением: «В журналистике Вы поэт, а в поэзии тонкий философ...»

На Дальнем Востоке, в Хабаровске, началась литературная деятельность А. Дракохруста. В 1951 году во Владивостоке вышел первый его поэтический сборник «Миру быть на земле», там же через два года — «Цветы счастья». В Хабаровске в 1959 году — «Зарницы над сопками», в 1964 — «Тревожный ветер». Немало книг стихов и прозы («Бухта смятения», «И нет конца тревогам», «Мост», «Раздорожье», «Мои вы годы — эшелоны», «Дальняя связь», «Притяжение», «Исповедь», «Круговорот», «Лицо твое» и мн. др.) вышло в Минске, куда майор А. А. Дракохруст был переведен по службе из Хабаровска. На Дальнем Востоке сложилась его судьба: он встретил здесь свою любовь, Дину Николаевну Манаеву, благородного, талантливого, и красивого человека, здесь родились их сыновья Олег и Юрий...

Все годы после отъезда к новому месту службы Александр Дракохруст вспоминал, как в 1946-м он приехал на Дальний Восток на «пятьсот веселом», в котором «женились, дрались, продувались жестоко, / за махорку сухой отдавали паек». Много лет спустя поэту снились «хабаровская долгая зима», «дорога через бурелом», «змеящиеся шупальца корней», «водоворотов пенная жуть», «недопавшие тальники», «сопка в облаке, как вулкан», бурундук, который, «как монгольский божок, с косогора косит»... В стихотворении «Я все помню» А. Дракохруст признавался:

*А нынче я счастлив, что все это помню пока еще,
что живы в душе сердцелистные кроны и плес,
и мокрый проселок, на сопку
натурно вползающий,
и дым...*

*Он теперь
по-иному доводит до слез...*

В дневнике А. Дракохруста 2003 года есть такая запись: «Почему мне теперь все чаще снятся Дальний Восток, Хабаровск, Амур с (...) ночевками на длинных плотках, рыбацкие костры у широких проток и... редакционные пьянки с друзьями, которых давным-давно нет на свете? Почему вспоминаются синие сопки, цветастая осенняя тайга и улица Тигровая во Владивостоке? Наверно, действительно старею. И былое, которое отнюдь не всегда было «светлым раем», воспроизводится памятью в совсем ином — радужном и благостном — свете. Пушкин, который успел высказаться, кажется, по всем вопросам российской жизни (и надолго вперед), верно заметил: «Люди никогда не довольны настоящим и, по опыту имея мало надежды на будущее, украшают невозвратимое минувшее всеми цветами своего воображения».

До последних дней, пережив глубокое горе — утрату Дины Николаевны, Александр Дракохруст оставался солдатом — сильным и мужественным. В последнем письме автору этих строк он писал за месяц до кончины: «Я продолжаю работать. Как всегда. И это держит меня на плаву. Долго ли продержусь, не знаю (биологические сроки поджимают). Но я не заглядываю далеко вперед.

С живой, неостывающей памятью о ДВ (в этом Вы убедитесь, прочитав новую книжку) — Ваш А. А.».

С Хабаровском и хабаровчанами А. Дракохруст был связан незримой и самой прочной нитью нежной дружбы. Я была счастлива состоять в переписке с этим удивительным человеком, который излучал редкое душевное тепло, творческую энергию, был отважен и так любил жизнь...

Минск, 12.05.07

Уважаемая Наталья Петровна!

Я искренне рад, что литературный отдел Вашего музея заинтересовался моими книгами. Жизнь и работа на Дальнем Востоке, в частности в Хабаровске, — значительная часть моей жизни. И я до сих пор чувствую с ним почти родственную связь.

Для начала посылаю Вам книгу «Что было, то — было» (из воспоминаний и записных книжек), а также вышедший в минувшем году стихотворный сборник «Черед». В дальнейшем, если

ПЕРЕВОДЧИК

*Перед небом я и босый, и голый...
Зря нелегкая часы торопила...
Сердце бьется, словно раненый голубь,
Залетевший умирать под стропила...*

*Ну, не вышло из меня капитана!
Обнесла судьба пенькой и штормами,
Не оставила других капиталов,
Кроме слов, что завалились в кармане.
Вот и жарю их теперь каждый вечер,
Нанизав строклой, как мясо на шпажку.
Даже с чертом торговаться мне нечем —
На черта ему душа нараспашку?
Толмачом и переводчиком чая,
Задолжавшим и апрелю, и маю,
Полуночную свечу изучая,
Языки огня почти понимаю.
Остальное и не кажется важным.
Согреваясь свитерком ацетатным,
Я однажды стану вовсе бумажным
И рассыплюсь по земле поцитарно.
Дождь заплачет, разбиваясь о ставни,
Нарезая лунный лук в полукольца...
На полях ему на память оставлю
Переводы с языка колокольцев.*

Игорь ЦАРЁВ

у нас установится более или менее прочная связь, постараюсь прислать и другие издания, а также материалы, о которых идет речь в Вашем добром, по-настоящему порадовавшем меня письме.

Шлю Вам мой привет и самые добрые пожелания!

Ваш (подпись)

(...) В октябре прошлого года в Израиле скончался Дмитрий Исаевич Малинкович, которого помнят все старые хабаровчане. Перед отъездом на землю обетованную, куда его увезли больно-го, он прислал мне несколько пленок со своими воспоминаниями. Он же возглавлял когда-то драматическое вещание Хабаровского радио, встречался со многими литераторами и артистами. О них вспоминает — дружески, подробно, тепло. Может, это Вас тоже заинтересует?

Минск, 23.09.07

Дорогая Наталья Петровна!

Ваша бандеролька с записками музея, наконец, достигла Минска. Чему я искренне рад. Материалы интереснейшие, особенно если учесть, что российская диаспора в Китае в прошлом (даже совсем недавнем) была для нас, что называется, терра инкогнита. Я имею в виду прежде всего литературу. Конечно, о многом рассказывал Всеволод Никанорович. Но не обо всем и не обо всех.

Рад был увидеть его имя, многократно повторенное во многих статьях и эссе сборника. Это был «матерый человечище», осторожно пытавшийся просвещать нас, зашоренных манкуртов. Сонеты Вс. Н. Иванова — открытие для меня. Только теперь я понимаю, почему он так много говорил о поэзии, понимаю, почему так волновала его судьба и стихи Арсения Несмелова.

Между прочим, я обнаружил, что Боре Можаеву послал лишь копию «Протопопицы». А «оригинал», т. е. перепечатанный Вс. Н. текст (он подарил мне его во время моего последнего приезда в Хабаровск), остался в папке. Посылаю его Вам. В статье о лирике Несмелова да и в других материалах я не нашел упоминания об этой поэме. Вероятно, она все-таки напечатана в каком-нибудь из его сборников. А если нет?.. Поэтому на всякий случай посылаю ксерокопию Люде Миланич (горячий привет ей и всей ее молодежи!).

Меня очень тронуло, что в Хабаровске живет память о Диме Малинковиче, чудесном человеке,

бескорыстнейшем собирателе талантов. С месяц назад я собирался послать Вам пленки с его воспоминаниями. Но угодил в госпиталь, из коего вышел лишь совсем недавно. Пришлось сразу писать два больших эссе — к 80-летию Алеся Адамовича и по поводу книги «Жертвы и палачи» (37-й год в Беларуси). Тем более что в одном из расстрельных списков нашел фамилию отца.

Думаю, что еще в этом месяце выполню свое обещание.

Еще раз о «Записках». Они создают широкую панораму русского литературного зарубежья в Китае. На страницах сборника всплывает целая литературная Атлантида, всплывает трагедия талантов, оторванных от Родины, брошенных в стихию чужого языка и быта. И, если выжили, значит, были настоящими.

В дополнение к «Протопопице» я посылаю Люде кое-что из автобиографической прозы. Если она не пригодится для журнала, попрошу передать Вам.

Крепко жму Ваши руки и мысленно прохожу с Вами по осеннему Хабаровску.

Ваш (Дракохруст).

Мой привет всем, помнящим меня. Особенный — Сергею Иннокентьевичу (Красноштанов. — *Н. Г.*). Я ведь кончал пединститут уже в более чем зрелом возрасте и сдавал ему экзамены.

P.S. В дополнение к поэме посылаю страничку, написанную рукою Вс. Н.

Минск, 27.11.07

Дорогая Наталья Петровна! Милая Наташа!

Вы сделали мне подарок поистине неоценимый. (Речь идет о сборнике «Мне так страстно хочется в Россию», подготовленном автором и выпущенном в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова. — *Н. Г.*) И ко времени, и к месту. Сорок три дня я ежедневно бегал в госпиталь к Дине. Три с половиной часа сидел под дверьми операционной. А в перерывах читал присланный Вами сборник, прекрасную антологию, собранную Вами. Отводил душу. Хотя некоторые стихи лишь бередили ее.

Ах, как важно для поэта «сказаться душой»! И тогда уже не замечаешь ни словесных огрехов, ни неточных рифм — ничего!

Это касается прежде всего Ещина. Об Арсении Несмелове я много слышал от Всеволода Никано-

ровича, кое-что читал в Дальнем. А вот Ещин для меня — открытие. И какое! Какой талант! Какая искренность и проникновенность! Словно не читал он ни Надсона, ни Фофанова, ни Случевского, даже Анненского (а ведь читал, читал!) — никаких влияний. Дрожь окоченевшей души, прямо перешедшая в стихи. Свой словарь, своя ритмика, своя мелодика. Я сам (конечно, в другое время) отступал в горах, зимой сорок второго, и знаю, как тяжело дается там каждый шаг. Ещин сумел это передать — весь этот холод, эту дрожь, этот беспросвет. И вдруг, в короткие миги, — пьяный смех отчаявшихся, но «безнадежно надеющихся» людей. А этот поздний упрек богу, что «меня обидеть — грех»!.. Трагическая судьба и такой естественный, увы, для русского поэта (истинного поэта!) конец...

Со вкусом подобрана и подборка стихов А. Несмелова. Мне только жаль, что Вы не включили в нее знаменитое стихотворение о русской девушке, оказавшейся в китайском борделе (сильные и горькие стихи!), и вот это:

*Радости стремительная конница
Вдруг меня забросила в седло.
Бьют копыта. Встречные сторонятся.
Ветер хлещет весело и зло...*

Да еще строки о бронепоезде с надписью «Мы — Петрограда», ржавеющем на запасных путях какой-то китайской станции...

Впрочем, я понимаю, что подборка и без того велика. В стихах других поэтов и, как говорят белорусы, поэток есть и искренние ностальгические ноты, и чувство, и поэтическая культура, но нет того, что Блок считал необходимым для стихотворца — судьбы. Бесконечно жаль этих людей. С некоторыми из эмигрантов я встречался в Дальнем, в сорок шестом году, и мог воочию наблюдать их трагедию. Но все-таки она не идет в сравнение с трагизмом Несмелова — Ещина. Такой уж жребий им выпал...

Сейчас мы общими усилиями выхаживаем Дину. Как только появятся «просветы в тучах», пришлю воспоминательные пленки Малинковича (литератор, редактор, театральный деятель, участник Великой Отечественной войны, друг А. А. Дракохруста. — *Н. Г.*) и кое-что другое. Постараюсь написать и о Всеволоде Никаноровиче. Но не сейчас, не сейчас...

Искренне желаю вам всего доброго! Ваш А. А.
Мой самый горячий привет Людочке
(Л. И. Миланич. — *Н. Г.*).

Минск, 16.01.08

Дорогая Наталья Петровна! Милая Наташа!
(С Вашего разрешения допускаю такую фамильярность.)

Давно я не получал никаких весточек от Вас — ни авиапочтой, ни по Интернету. А мне, честно говоря, очень хотелось бы узнать Ваше (и, конечно же, Людочки) впечатление от прослушанных пленок с воспоминаниями Малинковича. Может, что-то можно подготовить к печати? На всякий случай я сканирую и пришлю Вам его отличное фото (молодой красавец!). Пришлю и свои дальневосточные циклы, и новые стихи. Но сейчас мне просто не до этого. Общими усилиями выхаживаем Дину Николаевну. После тяжелейшей операции она держится молодцом. Но сил мало. И я выполняю роль если не прислуги за все, то, по крайней мере, за многое. А параллельно завершаю книжку воспоминаний (продолжение «Что было, то — было»). В ней будет несколько литературных портретов друзей-дальневосточников. В частности, Ходжера (кстати, когда он умер?).

Что нового у Вас? Удастся ли молодым и не очень молодым поэтам издавать книжки? Держится ли журнал?

Мой горячий привет Люде. Как ее здоровье и дела? Если у нее будет настроение, пусть черкнет несколько строк.

Будьте мне здоровы, как говорили некогда в богоспасаемой Одессе! Ваш А. А.

А путаница с моим днем рождения произошла очень просто. Я родился 9 ноября. Но поскольку рядом был октябрьский праздник, то отмечали 7-го. Так и пошло.

Минск, 24.01.08

Дорогая Наталья Петровна!

Несмотря на трудные обстоятельства, я все-таки завершил вторую книгу своих воспоминаний. Последний раздел ее будут (по моему замыслу) составлять «Стихи посреди дневниковой прозы», стихи разных лет, начиная с пятидесятых. В этот раздел органично вписываются и «Дальневосточные элегии». Прочитав их, Вы почувствуете мое отношение к ДВ, к его природе и людям.

Кое-что из этого раздела посылаю Вам — может, пригодится. Тем более что издание новой книги по известным причинам весьма проблематично.

Привет и поклон Люде. Я посылаю ей новые стихи. Не для журнала — для души. Здесь они, к сожалению, мало кому интересны.

Крепко жму Ваши руки и еще раз благодарю за стихи поэтов дальневосточного зарубежья!

Ваш А. А.

Как Вам воспоминания Малинковича? Как только мне сканируют его фото, — пришлю.

Минск, 18.04.08

Дорогая Наталья Петровна! Милая Наташа!

Только вчера смог вырваться на два часа из домашнего госпиталя, в котором исполняю обязанности медбрата и санитарки. Отдал, наконец, в набор новую книжку и смог выполнить свое давнее обещание — сканировал портрет Димы Малинковича. Ему 45 лет. Красавец!

Посылаю несколько оттисков — для Люды, Галины Ивановны (Заводы Г. И. — режиссера Хабаровского радио, прекрасной чтицы. — *Н. Г.*), для тех, кто еще помнит его. Ну и, конечно же, для музея — пусть хранится вместе с воспоминаниями.

Говоря военным языком, мы обороняемся на прежних рубежах. Хотя и с переменным — ох, каким переменным! — успехом. Болезнь Д. Н. неумолима, и нам остается противопоставлять ей только свое мужество и волю к жизни. Усилия медиков носят лишь поддерживающий характер.

Таковы наши дела, и я в основном сосредоточен на них. И если занимаюсь переводами, то лишь для отвлечения.

Между тем грядут майские праздники, с которыми сердечно поздравляю Вас. Особенно с Днем Победы. Все-таки: мы — их!

Обнимаю Вас, искренне желаю поймать жар-птицу счастья!

Ваш А. А.

Люде, как всегда, — бурнопламенный!

Минск, 29.05.08

Дорогая Наташа! Сегодня ровно месяц с того дня, как умерла моя Дина. А я все еще не могу поверить. Все еще заглядываю по ночам в дверь ее комнаты в безумной надежде увидеть ее спящей, услышать ее дыхание... Но чудес не бывает. И

Поэзия

НОЧНЫЕ ТОВАРНЫЕ

*Та девочка, что по полям блуждала,
букеты собирала в перелесках
и не боялась встретить в дальних чащах
ни зверя, ни дурного человека;*

*та девочка, что в пасмурную пору,
когда не разберешь, весна иль осень,
бродила по заглохшей колее*

*в семье дегтярных верб и краснотала
и разбивала серое стекло
над лункой черного лесного чая,
настоянного на трухе древесной,
на ржавых листьях, на осоке мертвой, —*

*та девочка за счастье почитала
езду ночную на товарняках!..*

*...На страшных, на безлюдных перегонах
хлестал в лицо сырой болотный воздух,
вдруг на откосе черная казарма
вставала на мгновенье, и опять —*

*осинник, медленно гниющий в топях,
смолистый и больничный выдох мари,
и запах шпал, пропитанных мазутом,
и вечный привкус гари и железа...*

*И втягивали бабочек и мошек
потоки воздуха, разъятые составом,
и редко-редко на речной излучке
мелькал огонь рыбацкого костра...*

*Там, вдалеке от грохота и бега,
жил нежный бархат с пробчатой корою,
и черные жемчужинки черемух
все увеличивались. Хлюпали коряги,
и слаще меда, молока и хлеба,
изнемогая, пахли все покосы...*

*И скудно освещенный полустанок
в одну минуту мимо пробежал,
и там, за складом, между фонарями
шел театрально выглядевший сад...*

*И холодало... закопченный тамбур
был весь в железом пахнущей росе,
и холодали жесткие косицы
волос, хлеставших долго по щекам...*

*Та девочка считала, что бессмертной
она пребудет, что по виду счастье —
как зарево над центром областным...*

Жизнь! помнишь, помнишь?! — это я была...

Ольга ЕРМОЛАЕВА

остается лишь память, которая проворачивает и проворачивает передо мной ленты долгой жизни, прожитой вместе.

Посылаю Вам дополнение к новой книге, которая уже набирается, и слова прощания, написанные моим друзьям.

Будьте здоровы и живите долго! Ваш А. А. (написано от руки. — *Н. Г.*)

P.S. Надежды оказались тщетными, мольбы — бесполезными, медицина — бессильной. Диночка, моя дорогая Диночка, часть души моей, так любившая жизнь, ушла из нее.

Мы с Олегом (родная томительно ждала его и, к счастью, дождалась), — мы были неотлучно у ее постели и услышали последний — еле уловимый — вздох. На желтой, исхудавшей донельзя шее вздрогнула и замерла слабо пульсировавшая жилка, а из чуть приоткрывшегося глаза выкатилась и потекла по морщинке маленькая слеза...

Динчик, родный!

Я целую твои еще теплые губы, твои глубоко запавшие щеки, приникаю к твоему высокому влажному лбу. И — не могу поверить... Не могу-у...

Но чувствую, пальцы твои холодеют, а побледневший Олег обнимает меня и что-то говорит мне.

Я не разбираю слов.

В ушах моих, кажется, еще звучит твой едва различимый шепот: «Дай воды... дай...» А пить не можешь. А отяжелевшие веки неподъемно опущены. А дышишь прерывисто и все реже, реже...

Как тяжело! Как нестерпимо больно!.. Если б я верил в бога, — было бы, наверное, легче. Но, увы...

Небритой щекой я прижимаюсь к твоей груди, в которой уже не бьется сердце. Виски мне разламывает мучительная безнадега, а горячая мокрядь слепит глаза. И не хватает сил, чтобы вытолкнуть из себя отчаянье, подступившее к горлу... 29 апреля — 1 мая 2008 года.

Минск, 1.08.08

Дорогая Наташа! Позвольте мне быть чуть-чуть фамильярным и называть Вас по имени. Как Люду. Как тех немногих людей в Хабаровске, которые еще помнят меня.

Я почувствовал искренность Вашего сопереживания, Вашего соболезнования, а еще — сомыслия (словечко, придуманное критиком Оскоцким). Ни расстояния, ни разница в возрасте — не

помеха для добрых чувств и неожиданно возникающих связей, для обмена мыслями, существующими на одинаковых или близких к ним волнах. Но это, так сказать, лирическое вступление.

За ним следует деловая проза.

Меня глубоко тронуло Ваше отношение к воспоминаниям Малинковича. И я рад, что они появятся в печатном виде. Но биографических данных моего друга у меня нет. Дело это поправимое. Я написал письмо его дочери Ольге с довольно подробным вопросником: рождение (даты), война (фронты и т. д.), работа... Попросил прислать Вам авиапочтой. Кое-что нетрудно уточнить в Хабаровске — Малинкович был завлитдрамой Радиокomiteта, директором оперетты, заведующим бюро пропаганды худлитературы Союза писателей.

На всякий случай сообщаю адрес дочери (...). Моя новая книжка (продолжение мемуаров) уже печатается. Написал большой цикл стихов. Сейчас даю ему отлежаться. Потом все пришлю.

Будьте здоровы и благополучны, дорогая Наташа! Горячий привет Люде.

Ваш А. А.

Минск, 1.09.08

Дорогая Наталья! Милая Наташа!

Как видите, присутствуют и отчество, и некая дружеская (с Вашего разрешения) фамильярность. Вы прислали чудесное письмо, которое лишний раз убедило меня в правоте поистине бессмертной формулы Дмитрия Исаевича — моего незабвенного Димы: «Жизнь имеет тенденцию продолжаться».

Обычно люди, посылаемые после института в деревню, тем более дальневосточную, клянут ее всячески и ждут — не дождутся, когда, наконец, кончится срок «педагогической каторги». А Вы нашли там радость и душевный покой, и деревенские дети — пусть озорные, брутально-языкатые, выросшие в условиях таежной вольницы, — не показались Вам исчадиями ада. Вы рассказывали им сказки и сами жили в сказочном мире, выход из которого, как я понимаю, был труден, а порою драматичен.

Что ж, наша жизнь — драматический сериал. А ведь даже у гениального режиссера наряду со взлетами бывают неизбежные, увы, провалы.

Что касается Малинковича, то я, напрягая свою память, выудил из нее, что родился он в 1922 году (это точно!). Произошло сие событие, кажется, в

Беларуси, на Могилевщине. Остальные сведения должна прислать его дочь, Ольга. Может быть, Вы уже получили весточку от нее. Кстати, ей можно позвонить, предварительно узнав код Израиля (...).

Для меня (да и для будущих читателей) публикация этих воспоминаний — искренних и волнующих — несомненно, будет событием. Мне уже удалось опубликовать стихи (в основном не печатавшиеся) и дневник семидесятих годов моего друга Наума Кислика («Следы еще не стерты...»). Они понравились читателям, любящим поэзию, ценящим искренность и бескомпромиссную прямоту.

А мне понравилась рецензия на книжку Людмилы Ивановны (Люды, Людочки!). Там, правда, много ссылок на Дракохруста. Но все — к делу. Но, главное: критикесса поняла поэтессу, сумела настроиться на ее волну.

Я буду рад, конечно, увидеть в Вашем сборнике мои статьи о Вс. Н. Иванове и Малинковиче. Спасибо Люде за статью о моих стихах. Я напишу ей отдельно.

Между прочим, я недавно послал Люде большой цикл стихов памяти Дины. Не рассчитываю на публикацию. Это очень интимно и грустно. (Стихи были опубликованы в журнале «Дальний Восток». — *Н. Г.*) Попросил передать тексты Вам.

Мой привет Люде и ее женской молодежи, Сергею Иннокентьевичу и его жене!

Будьте мне здоровы, как говорили когда-то в богоспасаемой Одессе. Ваш А. А.

Минск, 5.09.08

Дорогая Наташа!

Вот и вышла книжка (второй, так сказать, том). Посылаю два экземпляра: один — Вам, другой — музею.

Вчера мне, наконец, позвонила дочь Малинковича. Она собрала все известные ей данные и посылает их Вам авиапочтой. На всякий случай я дал ей Ваш телефон.

Будьте здоровы и благополучны! Ваш А. А. (от руки).

Минск, 1.10.08

Рад был получить весточку от Вас. Вы, конечно, правы: электронная почта — это хорошо, но обычная «почтовая проза» все-таки лучше. Она больше дает душе да и привычнее, разумеется.

Поэтому, никак не отвергая современные средства общения (может быть, научусь пользоваться ими), по-прежнему пишу на машинке. Справедливо написал Бородулин (правда, это относится к воспроизведению рода человеческого, но применимо...): «Цвѣрда вер у метады старья, I не спадзявайся на буслоу...», то есть: «Твердо верь в старые методы, И не надейся на аистов...».

Но это так, к слову.

Мне звонила дочь Малинковича. Она нагребла все сведения об отце и послала Вам авиаказачным. Хочу надеяться, что ее эпистола уже у Вас на столе. Буду ждать сборника с воспоминаниями друга. Ну и, конечно, с моими строчками. Заранее благодарен Люде и Вам.

Получили ли Вы бандероль с моей новой книжкой — продолжением «Что было, то — было»? Очень хочу верить, что она тоже добралась по назначению. Вообще с почтовой связью творится черт знает что. Из Минска в Москву письмо идет порою полторы-две недели. Поэтому я беспокоюсь за судьбы бандеролей, посланных Вам и Люде.

Не знаю, слышали ли Вы когда-нибудь о художнике Борисе Заборове? Талантище. Лет пятнадцать назад он уехал в Париж из-за «невостребованности» здесь. Сейчас он входит в десятку самых известных на Западе мастеров. Он заехал на родину, в Минск, по пути в Москву — Калягин пригласил его в Вахтанговский, оформлять уже четвертый (!) спектакль. В Минске его встретили с распростертыми объятьями (телеинтервью, пресса — «наш», «наш», «наш», в перечне известнейших — сразу вслед за Шагалом; министр иностранных дел пригласил на ужин). Вот так... А он — я это почувствовал при встрече — остался самим собой: скромным, добрым, знающим себе цену мастером. Каким, собственно, и был. Увы, «нет пророка в своем отечестве». Кстати, жена Бори — дочь Бориса Корнилова. Она издала в Париже несколько сборников отличных лирических стихов.

Я продолжаю работать. Как всегда. И это держит меня на плаву. Долго ли продержусь, не знаю (биологические сроки поджимают). Но я не заглядываю далеко вперед.

С живой, неостывающей памятью о ДВ (в этом Вы убедитесь, прочитав новую книжку) — Ваш А. А.

Мой горячий привет Люде, Кларе и Сергею Красноштановым (я пришлю им книжку).

Дальневосточные элегии

Синие сопки

До чего ж нынче просто быть новоселом:
 Чуть вздремнул в самолете — Амур под крылом...
 Я приехал к тебе на «пятьсот веселом»,
 помнишь, был такой поезд в сорок шестом?
 В нем женились, дрались, продувались жестоко,
 за махорку сухой отдавали паек...
 И каким ты далеким, безмерно далеким
 показался мне, Дальний Восток!
 Отгремели на стыках колеса вагонные,
 протянулись сквозь годы мои колеи...
 Но я помню, я помню, когда к эшелону
 в первый раз подступили сопки твои.
 Мне глаза ослепило неистойвой синью,
 будто небо спустилось по склонам крутым
 и манило к себе. И, просторы осилив,
 над тайгой расстилало загадочный дым.
 Эх, сойти б с эшелона на маленькой станции
 и туда б, в эту синь, без путей и дорог!
 Я решил, что успею...
 Но, если признаться,
 и успеть не успел, и увидеть не смог.
 Все газета, газета...
 Текучкой измотанный,
 у проток не встречал я рассветы твои.
 И везде — самолетами, лишь самолетами.
 А ведь надо б шагать на своих двоих,
 а ведь надо бы лосей выслеживать в чащах,
 раздувать дымокуры у старых осин...
 Знаешь, Дальний Восток, я отсюда все чаще
 рвусь в твою,
 как когда-то слепящую синь!
 И за плесом амурским, за марями топкими,
 словно в дверь приоткрытую, видятся мне
 все синие сопки, синие сопки,
 осколки солнца в синей волне...

Мне долго-долго будут сниться
 дорога через бурелом
 и эта сопка,
 как лисица,
 линяющая летним днем,
 и плоскодонка с мокрым сеном,

и многоводье на лугу,
 и язычки палов осенних
 на том — на левом — берегу,
 и всплески звезд,
 и месяц тонкий,
 чуть осветивший камыши,
 и тишина, в которой только —
 начистоту и от души.

Лежит за ближними плесами
 нехоженная земля,
 в широких поймах разбросаны
 нетронутые поля,
 в низинах, заплывших марями,
 болотистое тепло,
 и плавится в жарком мареве
 ленивых проток стекло.
 А в заводь врезаясь кортиком,
 желтеет песок такой,
 что хочется вдруг до чертиков
 ступить на него ногой
 и, продираясь чашами
 сквозь невода ветвей,
 расталкивать эхо спящее
 веселым: «Эге-ге-гей!»
 Крутыми взбираться кручами
 под самые небеса,

где сопки несут над тучами
зеленые паруса
и где, обходя скалистые
отвесные берега,
ночами трубит неистово
бесстрашная кабарга.

Разгоняя туманы, ветер
поднимается у реки,
разминаются на рассвете
недоспавшие тальники,
перед стареньким парходом
расступаются берега,
и склонилась вихрами в воду
нерасчесанная тайга...

«Северняк» — и свиреп, и рьян —
теребит над Амуром вату.
Сопка в облаке, как вулкан,
извергает пламя заката.
И в холодном его огне
ильмы тянутся вверх упрямо,
на отчаянной крутизне
по-весеннему стоя прямо.

По сопкам, по низинам топким,
где комары и бересклет,
я топаю забытой тропкой,
которой на двухверстке нет.

Зарос забой. И словно кожей,
брусничная покрыта падь...
А я все думаю:
быть может,
твой след удастся отыскать?

Ищу столбы в густой лещине
и бревен скользкое гнилье,
и в перекопанной лощине —
пустующее зимовье.

Ищу прижимы и увалы,
ищу зарубки на пути
и бывшего лесоповала
уже заросшие культуры.

Но вехи давние сторели,
но затопило пережат,
и только выросшие ели
на старой просеке скрипят...

Как будто пролетел болид —
развалены березы.
Душа щемит, душа болит,
и прямо к горлу — слезы.

Лежит в желтеющем венце
березка сердцелистная,
Как медсестренка на Донце
у разбомбленной пристани.

Мне среди выветренных скал
увиделись воочию
волос осенний перекал
и руки на обочине...

Еще жива, еще бела,
ветвями тычет в мир она, —
еще, увы, не поняла,
что взрывом с корнем вырвана.

Как милосердную сестру,
ее жестоко ранили,
и, кровью брызнув на кору,
стекает зорька ранняя...

Памяти Г. Гольшера

Обвалился шалаш.
Поразмыли тропинку протоки,
как монгольский божок,
с косогора косит
бурундук...
Над широкой твоей,
над твоей бесшабашной протокой
не летит, расплываясь,
моторки натруженный стук.
Камыши, камыши...
Здесь давно их никто не срезает,
и в туманном дыму
сиротеет нетронутый плес.
Тишина, тишина...
Только, к самой воде подползая,
потихоньку скулит
твой голодный заждавшийся пес...

Реки расплавленное олово
течет среди замшелых скал.
А около нее,
а около —
кедрач, сраженный наповал.

Стволы в затоне глухо плещутся
и медленно идут ко дну.
А мне —
промокшему —
мерещится,
что,
захлебнувшись,
я тону.
Но ветки тальников прореженных
почти как звезды высоки...
Костер, давясь кривой валежиной,
показывает языки
и слизывает хмарь осеннюю,
и обнажает зябкий луг,
и мне бросает для спасения
светящийся неровный круг...

Баджал стволы ломает, как солому,
обглаживает зубьями камней...
Заломы,
непробойные заломы,
змеящиеся щупальцы корней.
И до чего же,
до чего ж непросто
разбагривать, спасаясь от беды,
нагроможденья эти
и наросты,
торчащие из яростной воды!
А за излучкой — новые заторы,
водоворотов пеннистая жуть
и топляки на стрежне,
от которых
не отвернуть.
Никак не отвернуть.

У выставших палаток — вспышки инея,
а голос твой — из теплой стороны...
Такие усилители на линии,
что в трубке даже шорохи слышны.

Но ты умолкла, —
словно бы заранее
готовясь разрыдаться в тишине.
Сухое и тревожное дыхание
прерывисто доносится ко мне.

А здесь туман сгущается над вешками
и тяжело постанывает мост...
Ну говори же,
говори не мешкая!
Что ж ты молчишь за десять тысяч верст?

Рассвет подкрасил суриком волну.
 Еще гагары не полощут глотки.
 Не плачут кайры. И почти уснул
 орлан,
 скользящий на крылах коротких.
 Он медленно теряет высоту..
 Ни облачка.
 Ни всплеска.
 Ни раската.
 И хочет в решето свое локатор
 тревожную
 просеять
 пустоту...

Хабаровская долгая зима,
 метелей ошалелых кутерьма.
 И вдруг — закат.
 На красном — облака:
 у неба обморожена щека...

И чуть дымит промерзшая панель,
 и чуть блестит, не падая, капель,
 и чуть синеют дальние снега.
 И, значит, жди —
 опять идет пурга.

Я все это помню...
 Заросший поселок петлял у амурской излучины,
 и плес то желтел, то скрывался в чащобе густой.
 Мы топали молча, мошкой и дорогой измучены,
 с трудом раздвигая невыгоревший сухостой...

А позже, раздув дымокур и глотая «Столичную»,
 себя материли на кратком привале в логу:
 какого, мол, черта поперлись из быта привычного
 в заплывшую эту, в недобрую эту тайгу?

Чесались до крови. Стучала в мозги
дизельмолотом
 чугунная тяжесть. И меркли в прищурах ресниц
 разлапистых ильмов чуть-чуть
красноватое золото,
 доверчивость пестрых, должно быть,
непуганых птиц.

А нынче я счастлив, что все это помню пока еще,
 что живы в душе сердцелистные кроны и плес,
 и мокрый поселок, на сопку натужно
 вползающий,
 и дым...
 Он теперь
 по-иному доводит до слез...

Непреложны законы миграции.
 И в снегах приамурской земли
 на зимовку не могут остаться
 постаревшие журавли.
 Непонятною силой влекомые,
 чем-то нам — неоседлым — сродни,
 далеко от родимого дома
 улетают, печалься, они.
 Но весной над знакомыми кручами
 снова крыльями бьют невпопад...
 Эх, пристать бы мне
 к стае летучей —
 я бы тоже вернулся назад!